

Вперше испытать полет на летающем мече оказалось куда захватывающе, чем сидеть на спине у Хэ-хэ. Мало того что скорость была невероятной, так еще и — что самое главное — по дороге он не ощущал ни малейшей боли от бьющего в лицо ветра.

Не успел он и моргнуть, как Шэнь Цин издалека заметил окутанную клубями белых облаков горную вершину, которая то появлялась, то скрывалась из виду. Издалека это зрелище казалось поистине неземным, пропитанным духом бессмертия.

Маленький Кэ-эр и остальные приземлились именно здесь. Очутившись среди этого пейзажа, Шэнь Цин понял, что вокруг росло множество деревьев, а под ногами клубились плотные слои белого тумана, скрывавшие ступающие в него стопы.

Шэнь Цин изумленно зашагал туда-сюда по земле, и клубящийся туман послушно рассеивался от его шагов, но стоило ему сделать мгновенную паузу, как пелена сгущалась вновь.

— Помнишь ли это место?

Пока он забавлялся происходящим, раздался тот самый холодный голос.

Шэнь Цин вздрогнул всем телом, сердце у него ухнуло вниз. Резко обернувшись, он вопросительно посмотрел на учителя:

— Учитель... к чему эти слова?

Неужели раскусили, что он самозванец?!

Быть того не может!

Да разве он хоть что-то сделал не так?

С чего это вдруг они заподозрили неладное?

Что вообще значат эти слова?

Взгляд Шэнь Исяня был на редкость пронзительным. Учитель уставился на него в упор, словно пытаясь докопаться до самой сути, отчего сердце Шэнь Цина заколотилось птицей в груди.

Однако Шэнь Исянь продолжал молчать. Одолеваемый чувством вины, Шэнь Цин не смел заговорить первым и отвел глаза, избегая прямого взгляда.

Долгое время царила тишина, и лишь когда позади раздалось знакомое курлыканье Хэ-хэ, учитель наконец подал признаки жизни. Губы его чуть приоткрылись:

— Ни к чему.

От такого ответа Шэнь Цин окончательно растерялся: что это вообще должно было значить?

Но раз учитель сказал, что всё в порядке, значит, он пока не прокололся.

Шэнь Цин с виноватым облегчением выдохнул, мысленно пообещав себе впредь сводить общение с этим учителем к абсолютному минимуму. А лучше всего — вообще отсюда сбежать...

— Учитель, старший сородич! — припозднившаяся Хэ-хэ опустилась на землю и снова приняла человеческий облик. Прижимая к груди того самого мальчишку, она подошла ближе и обнаружила, что парнишка-то, оказывается, потерял сознание!

Шэнь Цин испуганно воскликнул:

— Что с ним такое?

Хэ-хэ виновато потупилась:

— Уровень культивации Хэ-хэ еще слишком мал, а ветер в пути дул слишком сильно, я не смогла как следует защитить его от стихии.

Ах вот оно что.

После ее слов всё сразу встало на свои места.

Этот ребенок — обычный смертный, и резкий подъем на большую высоту явно вызвал у него кислородное голодание, да и летные навыки Хэ-хэ, честно говоря, оставляли желать лучшего.

Потерять сознание в таких условиях — вполне естественно.

Шэнь Цин неловко отер пот со лба. Он только хотел спросить, всё ли будет в порядке с мальчиком, как вдруг стоявшая рядом фигура учителя подняла руку. Кончик пальца вспыхнул крошечным сгустком синего света, который тут же устремился прямо в лоб ребенку.

Увидев этот слабый синий огонек, Шэнь Цин почему-то почувствовал странное дежавю, будто уже где-то встречал его раньше.

Однако вспомнить никак не удавалось, что выглядело крайне странно.

В следующий миг миловидный мальчик, лежавший на руках у Хэ-хэ, тихонько стонущее выдохнул и слегка шевельнул бровями, хотя открывать глаза пока не собирался.

— Ничего серьезного, — Шэнь Исянь опустил руку. — Отнеси его в комнату отдохнуть, а когда очнется — Цин-эр, распорядись им по своему усмотрению.

Кхм...

И это при том, что тот прекрасно знал о полной потере его собственной культивации! Учитель что, и впрямь собирался спихнуть ребенка на его попечение?

— Учитель, боюсь, это не совсем уместно...

— Это то, что я тебе обещал. Теперь же...

Учитель, а вы всё-таки невероятно красивы.

В конце концов, того маленького мальчика всё-таки оставили в качестве компаньона для Шэнь Цина?

Ну, судя по всему, именно компаньона...

С момента их прибытия на гору Цинфэн прошло уже два дня.

Поначалу Шэнь Цин не до конца понял ту фразу Шэнь Исяня.

Теперь же?

Неужели речь шла о том, что произошло с прежним владельцем тела до того, как тот потерял сознание? Если дело обстояло так, то разве его прежнее ошеломленное выражение лица не выдавало его с головой?

— Старший сородич! — посреди бесконечных терзаний и отчаянного трепания собственных волос Шэнь Цин услышал за дверью крик Хэ-хэ.

Шэнь Цин поднялся на ноги и неторопливо поплелся к выходу, лихорадочно соображая, как же теперь объясняться с этим ребенком.

Хотя сам он и не принадлежал к этой эпохе, из прочитанных романов он кое-что смыслил в законах мира бессмертных.

Каждый, кто стремился ступить на путь культивации, жаждал выделиться из серой массы, тем более что этот мальчишка обладал типичной внешностью главного героя. Но что делать ему самому, застрявшему в этой оболочке и не умеющему ровным счетом ничего? Как он сможет кого-то обучать?

Шэнь Цин распахнул дверь и тут же уткнулся в сияющее улыбкой лицо Хэ-хэ, которая тут же выпалила:

— Учитель велел вам зайти к нему.

ТЬфу ты...

— Хорошо, сейчас буду.

Шэнь Цин на самом деле уже до ужаса боялся сближаться с этим учителем.

Причина первая: страх проколоться.

Причина вторая: этот человек был до неприличия красив. Стоило Шэнь Цину хоть на секунду потерять бдительность и засмотреться, как его тут же заваливали вопросами, на которые приходилось на ходу выдумывать оправдания!

Причина третья: ему упорно казалось, что учитель испытывает его терпение.

— Учитель.

Хотя Шэнь Цин вовсе не пылал энтузиазмом, тянуть время он не смел — кое-что ему все же удалось вывести у Хэ-хэ.

Прежний хозяин тела и учитель были очень близки. Чересчур близки.

Они даже делили одно ложе!

По правде говоря, будучи геем, Шэнь Цин постоянно подозревал между ними какую-то пикантную недосказанность. Однако за последние два дня он так ничего и не понял: кроме той чересчур близкой встречи при первом знакомстве, больше между ними почти не было никаких контактов.

Поразмыслив так и эдак, Шэнь Цин всё же пришёл к выводу, что остаётся лишь одна вероятность: он самозванец, и тот мог об этом узнать.

Когда Шэнь Цин нашёл его, мужчина сидел в позе для медитации.

— Пришёл? Садись напротив. — Шэнь Исянь открыл глаза, являя миру исключительно чистый взгляд, уголки его губ чуть приподнялись, и он указал на место перед собой.

— Да, — послушно отозвался Шэнь Цин и устроился напротив.

— Закрой глаза. — Раздался приятный голос собеседника.

Шэнь Цин встретился с ним взглядом, выдержал секунду, но испуганно опустил веки. Вспомнив то, что удалось узнать от Хэ-Хэ, его сердце невольно забилось быстрее.

— Сосредоточь ци в даньтяне, сиди тихо.

Шэнь Цин попытался послушаться, да только понятия не имел, где находится этот даньтянь и как именно нужно сосредоточить там ци.

Задай он вопрос — тут же выдаст себя, поэтому оставалось лишь сидеть с закрытыми глазами, не смея шелохнуться.

Шло время, а со стороны наставника по-прежнему не доносилось ни звука. Шэнь Цин украдкой приоткрыл один глаз и сквозь щёлочку взглянул на мужчину. Заметив, что тот сидит неподвижно с закрытыми глазами, он осмелился распахнуть оба глаза и уставился на него в упор.

Спадающие на пол угольно-чёрные волосы длиной до пояса слегка касались земли; даже не приближаясь вплотную, можно было разглядеть его утончённые черты лица — поистине безупречные. Тонкие чувственные губы источали нотки некой неприступности, а если вспомнить, кем был этот человек, волей-неволей в голове проносились самые разные мысли.

Шэнь Цин смотрел на него с замороженным восхищением и даже тогда, когда мужчина открыл глаза, продолжал мысленно повторять: «Ах, ну до чего же у него красивые глаза!»

Голубые, казалось, будто сквозь них можно было разглядеть ясное небо.

— На что ты смотришь?

Лишь когда раздался чуть глуховатый голос, он вернулся к реальности.

Их взгляды снова встретились, и Шэнь Цин, запинаясь и напрочь растерявшись, выдавил из себя всего шесть слов:

— Учитель, вы так прекрасны!

Выбрать второе имя — Цзыцзы, разве не хорошо?

Первое, что сделал Шэнь Цин, выйдя из комнаты для медитаций, — отправился на поиски Хэ-Хэ!

Коль выпала столь прекрасная возможность, действовать, разумеется, следовало как можно скорее.

Направившись напрямик к Изумрудному павильону, он рассчитывал застать Хэ-Хэ за тренировками, но вместо него обнаружил там другую, совсем крошечную фигурку.

Это был тот самый мальчишка, которого привели пару дней назад.

Как это он забрёл в Изумрудный павильон?

Тот сидел на корточках на земле, не двигаясь, понурив голову и глядя куда-то вниз. Шэнь Цин ступил тише и приблизился:

— На что смотришь?

Мальчик испуганно вздрогнул от неожиданного мужского голоса, повернул голову и столкнулся взглядом с прищуренными, улыбающимися глазами Шэнь Цина.

Бросив на него единственный взгляд, мальчик снова опустил голову и устался в землю, полностью проигнорировав гостя.

Эй, это ещё что за манеры?

Шэнь Цин в душе опешил, подумав: неужели этот малец его ненавидит?

Он украдкой прикинул: каково пришлось бы ему самому, если бы какой-то черт знает кто приволок его в мир бессмертных, ни черта в этом не смыслящего?

Без сомнений, захотелось бы прикончить обидчика.

— Кхе, — Шэнь Цин демонстративно кашлянул и, проследив за взглядом ребёнка, с удивлением обнаружил целую кучу муравьёв, которые тащили добычу.

У этого малого и впрямь детство в жопе играет?

— Кстати, меня зовут Шэнь Цин, я старший ученик Учителя, — заговорил Шэнь Цин. Им предстояло жить под одной крышей долгое время, так что подобная обстановка казалась слишком неловкой. — А тебя как звать?

Мальчик наконец поднялся на ноги, сложил руки в почтительном поклоне и тихо произнул:

— Старший брат... ученик, ученик носит имя Мутоу.

Пф.

Мутоу? (Деревяшка?)

Шэнь Цин замер. Разве можно кого-то называть Деревяшкой?

Однако этот малец вечно ходил с ледяным выражением лица, точно бесчувственный чурбан, и характер у него действительно был как у полена.

Но даже если человек по натуре своей — сплошное полено, родители ведь не могли узнать его нрав едва он появится на свет, чтобы дать ему такое имя!

И надо же было такому смазливому пареньку получить столь безнадёжное прозвище, просто испортили ребёнка.

В конце концов, это воля чужих родителей, рассуждать тут было не к месту.

— Эм, а второе имя у тебя есть?

У людей в древности ведь всегда были вторые имена, верно?

Мутоу спокойно выдержал его взгляд и упорно молчал.

Раз не отвечает, значит, судя по всему, нет.

Конечно, сам Шэнь Цин понятия не имел, что в древности вторые имена давали только при достижении совершеннолетия.

— Второго имени нет? Раз так, тогда тебе обязательно нужен титул-прозвище.

Этот человек, казалось, был ненормально заиклен на именах. Мутоу молча смотрел на него, пока тот то подпирал подбородок, то поглаживал его, то бормотал что-то себе под нос, погруженный в процесс с головой.

— М-м, давай так, — поразмыслив как следует, произнёс Шэнь Цин. — Имя Мутоу звучит не слишком благозвучно, когда слетает с чужих уст. Раз Учитель пожаловал тебя мне в ученики, я сам дарю тебе другое прозвище, а Мутоу пусть останется именем, идёт?

Шэнь Цин не был уверен, правильно ли он всё обставляет, но имя Мутоу и впрямь напрочь портило столь смазливую внешность мальчишки, и о чём только думали его родители? Прошу старшего брата даровать мне имя. — Выражение лица Мутоу оставалось прежним, без каких-

либо особых эмоций.

Шэнь Цин задумчиво произнес:

— Цзысяо: цзы — от сына небесной гордости, сяо — от взмывающих ввысь облаков. Как тебе такое имя?

Эти два иероглифа куда больше ему подходят, а звать его Мутоу — просто ужасно неблагозвучно.

— Благодарю старшего брата за дарованное имя. — Цзысяо снова отвесил поклон, опустил голову и про себя повторил это имя, всё с тем же невозмутимым выражением лица.

Трудно было понять, нравится оно ему вообще или нет. С самого начала и до конца на лице этого малыша застыло лишь одно выражение, прочесть его было решительно невозможно. В столь юном возрасте он казался на редкость скрытным и себе на уме. Шэнь Цин внезапно заинтересовался его происхождением, и в голове тут же вихрем пронеслись сцены из каких-то романов.

Но, судя по всему, Цзысяо был не из тех, кто станет изливать душу другим.

От Шицзунь так приятно пахнет...

— Кхм. — Шэнь Цин легко кашлянул и спросил: — Сколько тебе лет в этом году, Цзысяо?

Цзысяо покачал головой.

— Мм?

Что значит это покачивание головы? Он не знает, сколько ему лет?

— Двенадцать, — бесстрастно произнес Цзысяо.

Двенадцать?

Шэнь Цин с ног до головы окинул его взглядом. Да с такой внешностью ему все шестнадцать можно дать!

— Э-э, ладно. — Шэнь Цин чувствовал в этом нечто странное, но не мог точно сформулировать, в чем дело, поэтому лишь произнес: — Раз уж Шицзунь отдал тебя мне, но сам я тяжело ранен, только-только исцелился, и мой уровень культивации временно полностью утрачен... У тебя впереди должно быть прекрасное будущее, поэтому я при удобном случае хорошенько поговорю с Шицзунь, чтобы он принял тебя под свое крыло, либо ты можешь сам сказать, если у тебя есть другие пожелания?

В конце концов, отношение Шицзунь тогда было слишком непреклонным, и этот малыш пострадал из-за него.

Шэнь Цин сам не знал почему, но ему казалось, что путь культиватора для этого ребенка не должен складываться подобным образом.

— Никаких других пожеланий нет. — Цзысяо встретился с ним взглядом и поклонился: — Большое спасибо, старший брат.

— Раз уж ты называешь меня старшим братом, значит, мы теперь соратники по учебе, не нужно со мной так церемониться. — Услышав это, Шэнь Цин все же испытал некоторую радость, но, видя, как строго тот соблюдает все правила и держится с ним неестественно отчужденно, на душе стало беспокойно.

У Шэнь Цина была одна слабость: стоило ему увидеть красивого человека, как ему неизменно хотелось стать с ним ближе — в конце концов, разве не найдется на свете тех, кто не любит красавцев?

Хотя, пожалуй, поначалу держаться с ним прохладно — это вполне нормально.

— Хорошо, старший брат. — Цзысяо дал исключительно официальный ответ.

Заметив выражение его лица, Шэнь Цин беспомощно вздохнул:

— А ты не видел Хэхе?

Цзысяо молча покачал головой.

— Ну ладно, тогда займись своими делами. — Шэнь Цин потрепал его по макушке и спешно удалился. Глядя ему в спину, Цзысяо со спокойным лицом приложил ладонь к тому месту, которого тот только что коснулся. Его взгляд потемнел, после чего он поправил выбивавшуюся прядь волос и снова присел на корточки, продолжая наблюдать за муравьями, тащившими добычу.

Шэнь Цин осмотрелся по сторонам, но так и не смог найти Хэхе. Недоумевая, куда тот делся, он в конце концов просто пошел в свою комнату, чтобы перенести постельные принадлежности в покои наставника.

Он думал, что комната наставника окажется более роскошной, но она оказалась на удивление скромной. Комната была не слишком просторной: в самом центре стояла лишь большая кровать, а у окна примостился письменный стол — вот и всё убранство. Не слишком ли просто?

Не было даже какого-нибудь простенького дикого цветка.

Шэнь Цин, держа в руках постель, уложил её на кровать. К счастью, она была достаточно широкой: на ней без труда поместились бы двое взрослых мужчин, да еще и могли бы свободно ворочаться с боку на бок.

Расстелив постель, Шэнь Цин сонно зевнул и просто повалился на кровать. Его окутал тонкий, чистый аромат — именно так пахло от его наставника.

— Как приятно пахнет.

Он тихо пробормотал это под нос и невольно прижался щекой к той половине постели, которая принадлежала наставнику. Осознав, что подобное поведение смахивает на выходки одержимого маньяка, Шэнь Цин невольно удивился: ведь ещё совсем недавно он ломал голову над тем, как бы держаться от Шицзуня подальше, а лучше и вовсе сбежать отсюда.

Но стоило ему увидеть самого Шицзуня, как настрой тут же переменялся — просто наваждение какое-то.

Неужели на него так влияют чувства прежнего владельца тела к Шицзуню?

Однако он сам толком не понимал, что за чувства испытывал прежний хозяин тела к своему наставнику. Двадцать три года назад тот ведь был совсем ребёнком, верно? А дети всегда привязаны к родителям.

Шэнь Цин перекатился набок, отбросил своё одеяло в сторону и с головой зарылся в постель Шицзуня. Его окутал прохладный чистый аромат. Пусть это был всего лишь запах, на душе сразу стало удивительно легко и спокойно, и под этот аромат он постепенно погрузился в сон.

Нервический сон.

Всё вокруг окутывало густым белым туманом, скрывая Шэнь Цина в пелене. Он растерянно озирался по сторонам, не понимая, каким образом после крепкого сна в комнате Шицзуня вдруг очутился в столь странном месте.

Туман был настолько плотным, что, кроме себя самого, он не мог разглядеть ровным счётом ничего.

— Шицзунь? — неуверенно окликнул он, но в ответ не последовало ни звука — лишь эротичное эхо покатилося вдаль. Откуда здесь эхо? Куда это он попал?

— Есть тут кто-нибудь? — снова громко крикнул он, но в ответ услышал лишь собственный голос.

Что за чёрт?

Шэнь Цин почесал затылок, чувствуя себя до крайности подавленным.

Неужели Шицзунь, пока он спал, наложил на него какое-то заклинание?

Но зачем ему это делать? Неужели проверял его?

Он шёл вперёд, непрерывно оглядываясь по сторонам: вокруг расстился лишь густой белый туман, и больше ничего.

— Иди вперёд, я жду впереди, — в этот момент раздался глухой голос, словно завлекая его за собой.

Шэнь Цин на мгновение замер на месте, а тот голос продолжил:

— Шэнь Цин, продолжай идти вперёд, я прямо перед тобой.

Голос казался смутно знакомым, будто он уже где-то слышал его, однако никак не мог вспомнить где именно. Шэнь Цин даже испугался, что в столь юном возрасте его голова уже

начинает плохо работать: каждый раз, когда что-то казалось до боли знакомым, стоило этому вертеться на самом языке, как он напрочь забывал, в чём дело.

Голос незнакомца манил его дальше.

Шэнь Цин двинулся в путь. Ему казалось, что источник звука совсем близко, но шёл он долго-долго, пока наконец в клубах тумана не разглядел чью-то фигуру. Силуэт был зыбким, неясным и расплывчатым, а лицо особенно сильно застилала пелена белого тумана.

Подойдя ближе, Шэнь Цин заметил, что этот человек заточён в клетку — он сидел на корточках, сохраняя позу для медитации.

— Ты кто? — в глазах Шэнь Цина читалось крайнее недоумение. — Это ты заманил меня сюда?

Человек качнулся, словно покачал головой, и туман вокруг него заструился из стороны в сторону, но так и не обнажил его лица:

— Не я привел тебя сюда. Это твой сон.

— Мой сон?

Шэнь Цин изумился. С чего бы ему, находясь в полном здравии, видеть такой сон? Какая-то бессмыслица! И главное — с какой стати в его сне появился незнакомец?

— Сны рождаются в сердце, и я — всего лишь пустое видение в твоём сне.

Непонятно почему, но Шэнь Цин посчитал эти слова невероятно жеманными и отдающими дешёвым обманом.

Слегка прищурившись и тронув губы усмешкой, Шэнь Цин хмыкнул:

— Раз так, раз ты только что позвал меня к себе, тебе наверняка нужно мне что-то сказать?

— У меня не было намерения тебя обманывать, я лишь хочу дать тебе совет.

Этот человек словно умел читать его мысли.

— Совет? — Шэнь Цин усмехнулся. — О? Ну-ка, выкладывай, послушаю.

— Держись подальше от Шэнь Исяня.

Пять простых слов заставили Шэнь Цина вмиг перемениться в лице.

— Вы с ним в конце концов учитель и ученик, для вас обоих это...

— Не твоё собачье дело.

Шэнь Цин закатил глаза, решив, что этот сон — какой-то психоз, и бросил:

— Не собираюсь я слушать твой бред, лучше выпусти-ка меня отсюда, старик.

Человек на миг замер, а затем тяжело вздохнул:

— Я должен был сказать тебе одну вещь: этот Шэнь Исянь — вовсе не добряк.

— Псих.

Шэнь Цин слегка нахмурился, собираясь вытащить этого типа наружу и хорошенько во всём разобраться. С какой стати этот сумасшедший в его же сне порочит репутацию его Шицзуня?

Увы, между ними стояла клетка, так что вытащить мерзавца за шкуру оказалось делом непростым. Шэнь Цин лишь выругался про себя.

Когда он снова открыл глаза, перед ним предстала пара синих омутов. Мягкий и чистый взгляд отражал его собственное лицо.

Глава пи Мяофэн.

Только что проснувшийся Шэнь Цин ещё не до конца пришёл в себя.

Прошло немало времени, прежде чем он нехотя приподнялся, потёр сонные глаза, зевнул и лениво произнёс:

— Шицзунь...

Увидев его столь расхлябанный вид, Шэнь Исянь поинтересовался:

— Хорошо спал?

Шэнь Цин кивнул, и тут до него внезапно дошло, что перед сном он, кажется, заснул прямо на постели Шицзуня. В панике он вскочил с ложа:

— Ученик проявил неуважение, прошу Шицзуня наказать меня...

— Стоило мне уйти в затвор на двадцать три года, как ты отвык от учителя?

— Нет...

Главное — совесть была нечиста, ведь когда он забирался на чужую постель, у него имелись кое-какие тайные помыслы.

Этот человек был подобен небожителю, и всё его тело источало ауру суровой сдержанности, не терпящей никаких посягательств. И хотя Шэнь Цин любил иной раз помечтать о запретном, в душе он оставался человеком вполне честным.

Эх, сколько ни фантазируй в мыслях, а при виде самого Шицзуня вся смелость куда-то улетучивалась.

— Протяни руку, — мягко произнёс Шэнь Исянь.

Шэнь Цин послушно протянул руку вперёд. Белые как нефрит, с точёными суставами пальцы учителя легли ему на запястье, обдав кожу слабым, удивительно освежающим холоком.

— Шицзунь? — растерянно моргнул Шэнь Цин. — Что вы делаете?

Шэнь Исянь ничего не ответил, лишь прикрыл глаза. Шэнь Цин благоразумно замолк.

Спустя пару секунд учитель прикоснулся обоими пальцами к его межбровью. Шэнь Цин тут же почувствовал, как от точки между бровей к груди хлынула волна тепла. Но стоило пальцам

Шицзуня отстраниться, как это тепло тут же растаяло и рассеялось.

— Шицзунь? — снова позвал Шэнь Цин.

<http://bllate.org/book/20847/2102835>